

Л.В. Щепилова

Архаизмы

Архаизмы используются в литературе чаще всего для характеристики своеобразия собственной речи персонажей, живущих в отдаленную от современности эпоху. Архаизмы в этих случаях помогают ярче очертить специфику жизни изображаемой эпохи, приблизить читателя к живому восприятию характера изображаемого.

При этом, однако, использование историзмов требует от писателя большого чувства меры, чуткого понимания им способности современных читателей воспринимать эту речь без затруднений и улавливать все ее смысловые и эмоционально-выразительные оттенки.

Возьмем, например, поэтическую передачу письма князя Курбского в «Василии Шибанове» А. К. Толстого:

Безумный! Иль *мнишишь* бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! *Придет* возмездия час.
Писанием нам предреченный,
И аз, *иже* кровь в непрестанных боях
За *тя*, *яки* воду, *ляях* и *ляях*,
С тобой пред судьей предстану!

Отмеченные здесь выражения, будучи глубоко архаичными, в то же время не представляют затруднений для современного читателя, который поэтому улавливает весь эмоциональный строй этой речи, живо чувствует своеобразие ее характера. Однако такое использование архаизмов не исчерпывает всех многообразных возможностей их применения в литературе.

Та резкость, с которой архаизмы выделяются на фоне современного языка, дает возможность очень значительного усиления с их помощью эмоциональной выразительности поэтической речи.

Поэтому архаизмы находят применение и в высоко торжественной поэтической речи, требующей особой эмоциональной приподнятости, и в остро сатирической, требующей резкого эмоционального подчеркивания отмечаемых контрастов, несообразностей в явлениях жизни. Так, у Маяковского в поэме «Война и мир» торжественная патетика речи поэта, гневно обличающего «самую чудовищную из гипербол» — империалистическую бойню, подчеркнута рядом архаизмов («Хорошо вам. *Мертвые сраму не имут*»; «Единственный человекий среди воя, среди визга голос *подъемлю днесь*»; «Шарахайся испуганно, вечер-*инок*»; «Морщины окопов легли на *чело*»). Но у него же в «Мистерии-буфф» архаизмы («*Глаголет* Гавриил — *грядет* больше чем дюжина праведников»; «Мы, мол, вас приветствуем, а *такожде* Христос»; «*Вкусили?*») способствуют яркому оттенению сатирического характера произведения. В стихотворении Некрасова «Еще тройка» сочетание грусти поэта с глубокой иронией выделяется особенно отчетливо благодаря сочетанию в ней современной лексики и выражений («жандарм с усищами в аршин»; «дитя корысти современной»; «презренный, но соблазнительный металл» и т. п.) с архаизмами («и *длань* занес — и оскорбил»; «добра чужого ты *взалкал*»). Это еще более резко подчеркивается благодаря соединению архаизма с неологизмом в последней части стихотворения («Теперь столкнулись с *нигилистом*, *сим* кровожадым *чадом* тьмы»). В этих случаях использование архаизмов дает писателю возможность совершенно по-особому (торжественно или сатирически) осветить современные явления, придавая речи большую заостренность и эмоциональность.